

А. ДЖИГАРХАНИЯ: «ВОСПИТЫВАТЬ СИЛОЙ ИСКУССТВА»

С АКТЕРОМ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ВЛ. МАЯКОВСКОГО, НАРОДНЫМ АРТИСТОМ РСФСР АРМЕНОМ БОРИСОВИЧЕМ ДЖИГАРХАНИАНОМ МЫ РЕШИЛИ ПОГОВОРИТЬ НЕ О ПРОБЛЕМАХ «АКТЕРСКИХ»; УЗНАВ, ЧТО МЫ ИЗ МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЫ, АРМЕН БОРИСОВИЧ ДОГАДАЛСЯ, О ЧЕМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ:

— Проблем в жизни тысячи, и у каждого человека — свои. Кто-то сказал, что для умного человека вообще никаких проблем не существует, но это не так, это неверно. Есть особый род проблем, существующих вечно. Что же касается молодежи, то проблем тут всегда много, и вы сейчас будете спрашивать меня, как я отношусь к тому, что все ребята вырядились в джинсы и отрастили длинные волосы, усматриваю ли я в этом влияние Запада, что такое влияние вообще, неизбежно ли оно и т. д., и т. п.

Это как раз те самые вечные проблемы. Они возникают периодически и в зависимости от времени по-разному.

Вообще «влияние» я усматриваю. Вопрос в том, можно ли с ним бороться. Да и нужно ли...

Сразу скажу: не знаю. Когда мы говорим «плохо», когда мы разрушаем устоявшееся и сложившееся, мы обвязаны предложить что-то новое, правда? Вы говорите: в этой квартире жить плохо. Если вы мне тут же не предложите другую квартиру, ваши разговоры останутся для меня разговорами. Так и здесь. Если мы считаем — это влияние тлетворно, мы должны предложить антитезу, а не загонять ребят в угол и срезать кудри. Как говорят в театре, с плохим произведением искусства нужно бороться произведением искусства. Но ведь мы не всегда знаем, из чего должна состоять эта антитеза, вот в чем беда!

А с другой стороны, время все поставит на место. Были же всякие «стиляги»; пиджаки, помню, носили до колен... Теперь это уже в прошлом. «Плохо» начинается тогда, когда появляется некий стихийно родившийся стереотип внешнего облика, что в известной мере влечет за собой и стереотип поведения, мышления... Вслед за этим неведь откуда возникает набор вещей, которые нынче «стыдно» не иметь, список мест, куда теперь «принято» ходить... Конечно, это не выдерживает испытания временем. Его выдерживает только то, что диктуется человеческой потребностью и необходимостью...

А длинные волосы — это вовсе не потребность, это глупая сиюминутная дань моде, не больше... Мы по-разному понимаем само слово «мода», и вслед за этим дань ей выливается у одних в формы приемлемые, у других — в странные.

Есть проблемы и посложнее.

Я, например, знаю, что если в московских институтах будут составляться списки студентов стройотряда, от ребят не будет отбою. Давайте задумаемся, что руководит ребятами: желание что-то сделать своими руками, что-то построить и тем самым принести добро или же только заработать. Если бы без возможности заработать ребятам просто предложили потрудиться? Безвозмездно! Было бы столько охотников?

Опять не берусь судить, нужно платить ребятам или нет, это тема не интервю, а большой дискуссии. Вообще все зависит от человека. Если парень, заработав в стройотряде сто рублей, потом покупает ящик водки, выясняется, что деньги — это плохо. А если он купит книги? Или поможет старушке-матери?

Вопрос, кто он, этот человек, и что он хочет от жизни... Кстати, если вы ему не дадите, он украдет и, украл, — получит.

А с другой стороны, мне, например, непонятно, почему ребята, которым по девятнадцать — двадцать лет и которые ни в чем не нуждаются, учатся, отказываются работать безвозмездно. Откуда такая жажда к лишнему заработку, к «своим деньгам»? Ведь они все прекрасно понимают, что, получая стипендию, на сегодняшний день они ничего не дают взамен и неизвестно, будут ли еще давать в той мере, в какой мы этого хотим, как это нужно.

Есть еще одна очень важная, на мой взгляд, проблема, которая действительно требует своего решения и в отличие от многих разре-

шила вполне. Как часто мы жалуемся на отсутствие у наших детей эстетического вкуса, раздражает нас и неумение понять искусство правильно, разграничить плохое и хорошее. А между тем мы ведь не хотим (или не умеем?) их научить. В школе детям преподают алгебру, физику, геометрию, литературу, химию... Даже в каком-то классе учат рисовать, петь. А театр? А искусство кино? Почему, хотя бы раз в неделю, не рассказывать старшеклассникам, что же такое театр, кино, попытаться приоткрыть тайну неизвестности, коей всегда покрыто творчество? Разве не странно, что ребята, постигнув премудрости всех точных и гуманитарных наук, равным счетом ничего не знают о Мочалове, Станиславском и Эйзенштейне? Ведь знание этого вырабатывает вкус, свою человеческую эстетику, если хотите. Влияние театра или кино в наше время огромно! Так давайте научим ребят разбираться и в театре, и в кино! Давайте не оставлять их неподготовленными, ведь от духовной скудости так недалеко до тех мерзких явлений, бороться с которыми будет потом невероятно трудно. А ведь мы будем возмущаться: да что же это за молодежь нынче, того-то они не знают, того-то не понимают... Не научили, вот и не понимают!

Все дело в том, насколько человек образован духовно. И пусть он оделся не так, как мы хотели бы того, если в нем есть духовность, если в нем заложено главное, с пути истинного он уже не свернет.

Никогда не забуду рассказ моего друга, молодого дирижера. Он был в Англии на гастролях и как-то раз случайно оказался в самом центре Лондона, в парке, где собираются лондонские «хиппи». Мой друг — человек молодой, сборище его заинтересовало («знамение времени», как-никак!), он подошел к ребятам, разговорился. А в заключение пригласил двоих на свой концерт. Самое удивительное в том, что они пришли. Слушали Вагнера, Шостаковича... А потом, оказавшись за кулисами, начали серьезный разговор о музыке, о классике, о Вагнере...

Важно чувствовать — где что допустимо. Мы не пойдем в новом костюме на субботник. В ватнике — в партер Большого театра. А когда чувство меры изменяет, значит, у человека нет образованности духа, прежде всего. В большей части это бывает за счет пробелов в воспитании...

Известный советский психолог Игорь Кон как-то заметил, что у нас нет проблемы «отцов и детей», но люди внутри каждого поколения делятся на «переходных» и «консерваторов». Вы спросили меня, можно ли перенести эту мысль на театр как на искусство. Это интересно. Прибавьте, на людей не только разных поколений, но и разных школ, взглядов... В искусстве всегда трудно перестраиваться, мучительно больно подделяться под кого-то... Но мы как-то находим общий язык... И ученица великого Мейерхольда Мария Ивановна Бабанова репетирует «Старомодную комедию» с актером совершенно иной школы, даже иного плана — Владимиром Самойловым... А в театре я постоянно слышу, что силами молодых готовятся еще один внеплановый спектакль. Молодежь вообще как-то очень органично вливается в нашу труппу и, принося с собой новое, как-то очень хорошо понимает старое... И искусство сегодняшнее процентов на пятьдесят они движут! И вообще в театре сегодня много молодежи. Не только за кулисами, главное — в зале. И мы, актеры, счастливы этому, потому что театр во все времена давал ту образованность духа, о которой я говорил, воспитывал людей, и мы сегодня тоже воспитываем, ведь, обнажая человеческую суть, искусство всегда оставляет след в чьих-то душах...

А. Б. Джигарханяна
расспрашивали
О. ПОПКОВ,
А. КАРАУЛОВ,
К. ЯНКАУЙСКАЯ.